

**ТЕЛЕСНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ МЕЩАНСКОГО СОСЛОВИЯ г. САМАРЫ:
СТОЛКНОВЕНИЕ С БОЛЕЗНЯМИ И СМЕРТЬЮ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)****

В статье анализируется антропология повседневного мещанского быта на примере сословного столкновения с болезнями и смертью. Доказывается, что, несмотря на всеобщность болезни и смерти как испытания, с которым сталкивается любой человек в своей жизни, существовала сословная специфика, связанная с социальной незащищенностью данного городского слоя в эпоху разрушения городского мещанского общества и становления сословного организма модернизированного города.

Ключевые слова: мещанство, тело, болезнь, смерть, антропология сословного быта.

Тело мещанина – это тело, предоставленное болезням, старости и смерти. И в этой ипостаси оно чрезвычайно одиноко, как одиноки все мы, наедине с болезнями, старостью и смертью. Но обстоятельства, в которые человек оказывается поставленным в силу своего социального статуса, позволяют говорить о теле как о коллективном явлении. «На наши тела глубоко влияет как социальный опыт, так и нормы и ценности тех групп населения, к которым мы принадлежим» [1, с. 132]. Каждая социальная среда вырабатывает свой символический язык телесности, в котором общие понятия приобретают специфическую коннотацию. Для интеллигента, рефлексирующего на тему тела, принципиальным становится разведение понятий «обнаженность» и «оголенность»: слово «голая», по мнению Н. Евреинова, «отдает запахом банного веника; слово «нагая» – жертвенным фимиамом... Несомненно, что всякая нагая женщина вместе с тем и голая; но отнюдь не всегда и не всякая голая женщина одновременно и нагая» [2, с. 110]. Мещан, проживавших в городе, расположенном на берегу реки, не только не волновала грань между «наготей» и «оголенностью», но и не вызывало смущения публичное купание, чему находим косвенное подтверждение у переживающего на эту тему самарского губернатора Аксакова, обратившегося в 1869 г. к городскому голове: «С наступлением жаркого времени по всему берегу Волги, прилегающему к городской набережной, началось купание простого и рабочего народа без различия пола и возраста, что, кроме известных неудобств в нравственном отношении, представляет далеко неприличное зрелище для постоянно проходящей и проезжающей по берегу публики. Для устранения этих неудобств, покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, немедленно отвести на б. Волги места для купания отдельно для женщин и мужчин и

---

* © Кобозева З.М., 2013

Кобозева Зоя Михайловна (zoya_kobozeva@mail.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

загородить оныя с берега досчатым или лубочным забором, так чтобы не было видно купающихся, и о сделанном известить полицию для надлежащего с ея стороны наблюдения. Вместе с тем принимая во внимание, что при неровности речного дна и жарком климате, вызывающем здесь потребность в частом купании, в Самаре, более чем в других местах, часты случаи утопления не только детей, но и взрослых — я покорнейше прошу Вас предложить городскому обществу просьбу мою устроить на средства городской казны общественные бесплатные купальни мужскую и женскую, что при малоценности таких сооружений не послужит обременением для городской кассы» [3, л. 1].

Главную тенденцию, связанную с эволюцией отношения к «сословному» телу на протяжении пореформенного периода, можно определить как гуманизацию, что выразилось в первую очередь в освобождении сословия от телесных наказаний, которое началось с Положения от 10 марта 1897 г. и закончилось Манифестом от 11 августа 1904 г., освобождавшим бывшие податные сословия, в том числе и мещан, от телесных наказаний [4, с. 466]. Телесная эмансипация от власти является важным моментом в генезисе личности. Применительно к дворянскому сословию об этом размышлял С.О. Шмидт в статье «Общественное самосознание noblesse russe в XVI — первой трети XIX в.» [5, р. 11–32], отмечая, что кодекс дворянской чести (не связанной с моралью воинского сословия) начинает складываться с того момента, когда никто больше не смеет ударить дворянина по лицу. Русский дворянин был телесно эмансипирован в конце XVIII в., а русский мещанин — в начале XX в. В стоящий между этими событиями XIX в. происходит другое важное событие: исчезает физическое наказание тела как грандиозное зрелище [6, с. 22]. «Последняя экзекуция» на самарском эшафоте была произведена в 1865 г.: «наказуемый был положен на наклонно поставленную доску, так что голова была выше ног, руки были привязаны к доске. Присутствовал доктор. Нанесено было 63 удара розгами. Эшафот, будучи разборным, был поставлен там, где теперь находятся городские весы» [7, с. 306].

До этого исторического момента публичная казнь на самарском эшафоте не уступала в зрелищности казне богохульника Дамьена, казненного на Гревской площади второго марта 1757 г., которую описывает М. Фуко в главе «Тело осужденного» [6, с. 7–11]. Лобное место в Самаре, на котором возвышался эшафот, было огорожено «городьбой, за которой обыкновенно теснился народ. На помост вела лестница. Привезенного из острога преступника на особом черного цвета «позорных дрогах» «выводили» на возвышение. На груди его висела доска с обозначением его преступления... После прочтения приговора его привязывали к столбу и производили экзекуцию. Толстый палач в красной рубахе с засученными рукавами, в широких черных шароварах, с 3-конечной плетью в руке приступал к делу. Перед ударом он вскрикивал: «Берегись!» — и наносил удар, затем, не торопясь, переходил на другую сторону столба, снова произносил: «Берегись!» — и снова наносил удар. Привозили преступника с барабанным боем. На «позорных дрогах» была сделана скамья, благодаря чему везомый возвышался над толпой. Сидел он задом к лошади» [7, с. 305]. Народу зрелище нравилось. Народ вслух считал удары [7, с. 305]. К концу XIX в. система наказания «уже не обращена на тело» [6, с. 26]. «Тогда за что же она цепляется? — вопрошает М. Фуко и отвечает: — Если не тело, то душа» [6, с. 26]. В изменившихся обстоятельствах, когда сословная рефлексия становится глубже и тоньше, государство апеллирует к душе, провозглашая, что «добродетель есть дело государственное» [8, с. 94]. Освобождая тело мещанина, государство рассчитывало на его душу. Но душа в начале XX в. становилась пленницей общего безумия: «безумие притягательно... другой своей стороной... это не только темные глубины человеческой природы, но и знание» [8, с. 31]. Знание мещанина о мире многократно умножалось с помощью растущего количества информационных каналов, пронизывающих его повсед-

невность. Перефразируя поговорку, получаем правило: чем больше знаем, тем хуже спим. На мещанина обрушивалась информация о войнах, революциях, трагедиях, преступлениях, болезнях, событиях. Научные открытия изменяли быт. Однако душевная болезнь всего общества не признавалась болезнью, «философская и научная мысль отказывается принимать это узнавание себя в безумце» [8, с. 606]. Отношение же общества к безумцам было определено сегрегацией, изоляцией таковых. Лица, «подвергшиеся расстройству умственных способностей», представляли и представляют, помимо объекта приложения сил медицины, часть социального пейзажа города. Безумие в среде нормы воспринималось как отклонение от нормы, а следовательно, угроза. Как пишет М. Фуко в «Истории безумия в классическую эпоху», на майнцском смиренном доме была прикреплена надпись: «Если возможно было усмирить в свете Божиим диких зверей, то никогда нельзя отчаиваться в исправлении заблудшего человека» [8, с. 96]. «Как для католической церкви, так и для протестантизма изоляция воплощает в себе в авторитарной форме миф об общественном благоденствии: это социальный порядок, целиком проникнутый принципами религии, и религия, чьи требования получают полное удовлетворение в системе правопорядка и тех принудительных мер, которые будут взяты им на вооружение» [8, с. 96]. Так называемый «старый дом умалишенных» был выстроен в Самаре в 1860 г. «по инициативе губернатора Арцимовича на пожертвования частных лиц и имел вид летнего барака, из тонкого леса, для выздоравливающих и хронических больных, находился на двух местах, определенных по высочайше утвержденному плану на город Самару под богоугодные заведения... Каково было содержание душевнобольных в Самаре, видно из доклада ревизионной комиссии земского собрания в 1876 году: «1) употреблявшиеся до сего времени цепи в отделении дома для умалишенных выведены их употребления новым врачом» [7, с. 148]. Как писал в своей краеведческой картотеке К.П. Головкин, «по рассказам старожилов, около ветхой изгороди больницы всегда с одной стороны толпились прохожие и ребятишки, смотря на больных сквозь щели, с другой — больные, глядя на улицу и проходящих. Изводя друг друга разными способами, они громко и долго ругались» [7, с. 148–149]. М. Фуко обращает внимание на непростой путь психиатрии в дофрейдовский период: «Проступок, вынесенное ему обвинение и сопровождающее его узнавание, равно и явленные, и скрытые в объективности органического: таково наиболее удачное выражение того, что XIX век понимал и хотел понимать под безумием» [8, с. 611]. Самарские врачи также были поставлены в ситуацию, когда необходимо было в многочисленных случаях их практики подтвердить «расстройство умственных способностей» или доказать «притворное сумасшествие» [9, л. 1]. Приходилось обращаться в полицию, чтобы вместе с умалишенным в больницу доставлялись сведения «об образе жизни в домашнем быту и об обстоятельствах, лиц этих окружающих» [9, л. 1]. Медики предлагали полицейским разобраться в таких вопросах, как: «не было ли вражды или другой побудительной причины / не находился ли он в таком положении, которое могло бы его довести до отчаяния и до умышления» [9, л. 2]. Несмотря на тот факт, что в деле «Об умалишенной мещанке Анне Хрунтяевой» за 1884 г. речь идет об имущественных вопросах, прослеживается реакция городской семьи на подобное заболевание. И в первую очередь это касается уверенности близких в неизлечимости таких больных и роковой случайности, связанной с проявлением болезни. В массовом сознании и у современного российского горожанина начала XXI в. сохраняется стойкое убеждение в том, что сумасшествие врачи не лечат, а превращают медикаментозно пациентов «в растения» или закрывают в страшных палатах с решетками на окнах. Во второй половине XIX в. отношение к сумасшедшим было такое же. Самарский мещанин Михаил Степанов Цыков в своем Прошении писал: «Родная моя дочь, Анна Михайлова, бывши в замужестве за Самар-

ским мещанином Афанасием Хрунтяевым — после выхода в замужество впадала в сумасшествие, и хотя была помещена для лечения в г. Казани в больницу душевнобольных доктора Фризе и в Самарской городской больнице сумасшедших, но болезнь ее не излечилась... помер бездетный муж моей дочери Андрей Хрунтяев, и я поставлен был в необходимость взять мою сумасшедшую дочь на мое попечение, так как родные ее мужа, жившие с ним в одном доме... тяготятся уходом и надзором за больной» [10, л. 2]. Отец просил сделать врачебное освидетельствование дочери и на этом основании «вернуть имущество от той родни». Речь шла о приданом в виде капитала в 3 тыс. руб., одежде и мебели. Судебные приставы описали все имущество несчастной сумасшедшей и передали отцу. К делу были прикреплены материалы врачебного освидетельствования, проведенного в Присутствии Самарского губернского правления. Больной задавали вопросы, на которые она давала ответы: «Как зовут тебя? — Я не знаю как. — Меня Вы узнали? — Доктор. — А меня узнали? Пустите меня! (не отвечая на вопросы, больная просит отпустить ее) — Не хочется покурить? — Не хочу. — Чаю пить не хотите? — Не хочу! Не хочу!» [10, л. 11].

Э. Гидденс обращает внимание на четкую взаимосвязь между показателями смертности и заболеваемости «и тем социальным классом, к которому принадлежит человек», так как «между разными классами существует значительное неравенство, влияющее на показатели здоровья — от веса при рождении до артериального давления...» [1, с. 133–134]. О болезнях, которые тревожили мещан второй половины XIX — начала XX в., можно узнать из той части делопроизводственной документации, которая касается просьб об освобождении от тех или иных повинностей на основании состояния здоровья. Так, мещанин Никита Кузьмин Малышев, прося освободить его от податей, писал в 1858 г. в Думу: «всего я плачу податей за 3 души, тогда как я сам человек нездоровый и разбитый параличом, от которого лишен владением правой ноги и правой руки... а сын мой еще человек молодой и тоже на родителей» [11, л. 1]. В 1896 г. мещанская управа выдала свидетельство о том, что Захар Красных был причислен в самарские мещане из отставных рядовых. Недвижимой собственности в городе у него никакой не было. Ремеслом и торговлей он не занимался. Ни у кого не был в услужении. Не состоял сторожем в каких-либо присутственных местах или церквях. Собственных средств к жизни никаких не имел, равно как не имел и родственников, которые могли бы взять его к себе на содержание [12, л. 43]. Через два года такой жизни он умирает утром 22 февраля, о чем пристав г. Самары сообщил в мещанскую управу. В 1898 г. самарский мещанин Захар Иванов-Красных умирает «вследствие кровоизлияния в мозг, вызванного, как обнаружило вскрытие, болезнью, так называемой «Вермофовой»» [12, л. 42]. Из прошения в городскую думу Самары мещанки Марьи Степановой с просьбой освободить от рекрутства ее сына всплывает описание болезни мужа и отца этого семейства. Марья пишет, что «у меня муж, а у призываемого отец... одержим около пяти лет падучею болезнью, которая по удостоверению самарских врачей, оказалась неизлечимою... призываемый постоянно находится при своем отце... с которым учащенно случаются припадки всюду, как то: в лавке во время торгового занятия, в своем доме... призываемый приводит его бесчувственного домой, а тем более. Что сын мой Петр поступил на действительную военную службу, тогда останусь я с неспособным к труду моим мужем... и двумя малолетними детьми» [13, л. 45–45 об.]. Члены мещанского собрания постановили признать Василия Степанова неспособным к труду и исходатайствовать сыну льготу 1-го разряда [13, л. 45–45 об.]. Путь к выздоровлению бедного мещанина был многотрудным, так как рассчитывать на благотворительную помощь можно было при условии, что мещанская управа выдаст так называемое удостоверение о бедности. В мещанскую управу Самары пришло прошение: «Страдая с давнего времени главною болезнью и находясь на излечении в

самарской земской больнице около двух лет, я не получил никакого облегчения в болезни. Имея намерение при помощи благотворителей отправиться для лечения в Петербург в Университетскую при Академическую медицинскую клинику, я покорнейше прошу выдать мне удостоверение в бедности» [14, л. 737]. Особенно трогательна и безысходна Докладная записка в Думу самарского мещанина Ивана Дмитриева Журавлева: «В бывшей со мной несколько лет тому назад болезни лишился я совершенно владения ног, а с тем вместе лишился и всяких необходимых средств к своему существованию, благодетелей же и родственников, которые бы могли поддержать мой физический быт, не имею, а хотя и есть брат, но он в таком беднейшем положении, что не может как следует обеспечить и собственное своего семейства, не говоря уже обо мне... покорнейше прошу о помещении меня в богадельню и тем самым предоставить бедному страдальцу теплый приют... Я уже находился в богадельне и только в марте месяце сего года вышел из оной в надежде чем-либо излечиться от болезни, между тем надежда моя не оправдалась и я остался в таком же жалком положении, как и прежде...» [15, л. 46]. В 1887 г. муж самарской мещанки Е.Л. Сапунковой умер в бригадном лазарете «от паралича сердца» [15, л. 52]. Мещанин Максим Григорьев-Ларионов был освобожден от призыва в рекруты и исключен из числа работников по решению комиссии, которая констатировала, что у него «значительная мошоночная грыжа, трудно вправимая в брюшную полость». Сам Максим писал: «С давнего времени страдаю грыжей, от чего я не могу доставать себе средства к пропитанию трудами своими» [16, л. 1–3]. В 1903 г. 14-летний мещанин умер от «язвенного воспаления внутренней оболочки сердца» [17, л. 3].

Одной из самых распространенных в Самаре в рассматриваемый период болезней была холера. В городе постоянно проводились мероприятия, которые должны были бы предупредить очередную эпидемию холеры. Город в случае появления этой болезни предполагалось разделить на 8 участков, в каждом открыть холерную больницу на число кроватей от 10 до 20 с аптечкой [18, л. 5]. Дома для больниц сдавали самарские мещане приблизительно за 20 руб. в месяц, в зависимости от размера дома [18, л. 7–8]. В 1892 г. тиф в Самаре принимал эпидемический характер [19, с. 32], и в этом же году в связи с очередной холерной эпидемией решено было открыть специальное отделение для холерных больных [19, с. 412–413, 470–471]. В 1910 г. Самара вновь столкнулась с эпидемией холеры [20, с. 35]. Во время эпидемий большинство больных проходили под категорией «сомнительнохолерные». Из списка за 1911 г. больных холерной больницы, принадлежавших к мещанскому сословию, большинство холостяков и вдовцов. Профессии, а следовательно, и экономический статус у всех заболевших холерой мещан разные: австрийский дезертир, кровельщик, хозяйка бакалейной лавки на набережной, домохозяйка, торговец, маклер, сапожник, слесарь, чернорабочий [21, л. 2–13 об.], бондарь, фельдшер, слесарь, торговец, солдат, портниха [21, л. 9–11]. Как уже говорилось выше, это все были люди, которых госпитализировали с подозрением на холеру. Они, как правило, выздоравливали и покидали больницу. Но те, кто попадал в категорию «явнохолерный», то есть у кого диагноз подтверждался, в основном умирали. В 1911 г. врачи Самары имели дело с «азиатской холерой» [21, л. 5 об., 6 об.]. Замужняя мещанка, домохозяйка 27 лет, выздоровела от холеры и была выписана из больницы [21, л. 6 об.]. И в то же время 55-летний мещанин, занимавшийся домашним хозяйством, умер [21, л. 7]. Если оценивать степень подверженности заболеванию по сословиям, то наибольшее число больных холерой было среди приехавших в город крестьян [21, л. 2–13 об.].

Главное внимание земства в 1876 г. в области медицинского дела было обращено на принятие мер против распространения сифилиса. В Бузулуке решено было даже учредить отдельную сифилитическую больницу на 25 кроватей [22, с. 73]. В 1856 г.

самарский городской врач Григорий Андреянович Троицкий при рекрутских участковых начальниках «свидетельствовал» самарских мещанок Авдотью Тихонову Баловневу и Наталью Филиппову Баловневу «в болезненном их состоянии». По освидетельствованию оказалось, «что они обе больны хронической венерической болезнью и одержимы дряхлостью, отчего никаких работ производить не могут и для поддержания их здоровья им необходимо нужна помощь...» [23, л. 652]. В 1876 г. в Самаре работал всего один дантист [24, с. 72]. А плата за лечение и содержание в земской больнице мещан, «несостоятельных к уплате», в 1891 г. составила 1000 руб. 4 коп. Дума ассигновала на это 1000 руб. [24, с. 135]. В 1896 г. в Самарской губернии работало уже 2 дантиста, 6 цирюльников, 77 фармацевтов, 145 врачей, 71 повивальная бабка и 5 оспопрививателей [25, с. 45]. Для горожан Самары в конце XIX в. действовал приемный покой на ул. Панской, расположенный в двухэтажном каменном доме. Помещение приемного покоя состояло из общей приемной комнаты для приходящих взрослых больных, кабинета врачей, кабинета женщины-врача, операционной и перевязочной комнат, аптеки и детской приемной. В приемном покое работали 4 врача, 4 фельдшера и фельдшерица. Прием больных производился ежедневно с 9.00 до 13.00 [26, с. 16–17]. За 1888 г. врачами приемного отделения из всех сословий города Самары больше всего было принято мещан: 16 595 человек [26, с. 17]. Среднее число посетителей в день составляло 99 человек [26, с. 17]. Самым распространенным заболеванием среди горожан были: «перемежающаяся лихорадка (5156 случаев в год)», «болезни легких» (4135), «желудка и кишок» (4349), «кожи» (3223), «женские болезни» (2154), инфекционные болезни (1553), болезни костей (1732), «язвы, раны, ожоги, ушибы» (1191), «ревматизм» (1334), «мозговые и нервные» (1087). Далее шли: «сердца и сосудов» (227), «глаз» (690), «ушей» (583), «сифилис» (606), «малокровие» (293), «цинга» (14), «золотуха» (153), «венерические болезни» (266) [26, с. 18]. Для лечения дифтеритных больных при земской больнице было выстроено два барака на 22 кровати. В 1888 г. дифтеритом заболело 99 мещан г. Самары и 35 мещан иногородних [26, с. 19]. Так как мещане города составляли фактически наиболее бедную его stratum, постоянно перед властями города вставал вопрос о том, кто будет платить за их лечение в городских больницах. «Городское общественное управление, по ходатайству мещанского общества, приняло на себя, по примеру прошлого 1887 г., платеж за лечение беднейших мещан г. Самары в губернской земской больнице; на этот предмет было внесено в смету расходов в отчетном году 500 руб.; впоследствии число больных, имевших надобность в лечении, значительно увеличилось. Всего Городской Управою, с разрешения Городской Думы уплачено земству за лечение бедных больных из числа мещан г. Самары 1117 руб. 47 коп.» [26, с. 20]. У значительной части мещан не было средств оплачивать свое лечение в больницах. Мещанский староста Самары в своем рапорте в Городскую Думу писал, что, во-первых, никто не соглашается платить за умерших в больнице мещан, во-вторых, «мещане, мещанки отправляются в контору больницы не всегда по собственному их желанию и не по крайней в том необходимости, а часто при случающихся ссорах и драках, последствия которых... не всегда открываются в удовлетворительном виде, так что виновных, с которых следовало бы взыскать деньги за... больного, не оказывается, а те лица, которые находятся в больнице...отказываются от платежа за лечение... так как не виноваты в ссорах и драках, и потому деньги остаются невзысканными... гг. мещане и мещанки, не имеющие никакой собственности, отправляются в больницу Полицией без разбора, в состоянии ли они уплатить за лечение их деньги, а мещанки иногда берутся из развратных домов и при отправлении их в больницу следовало бы требовать обеспечение в платеже денег за лечение, но этого никогда не исполняется, а по выздоровлению их они присылаются из конторы в Думу за пользование их и содержание в больнице деньги обращаются на общество» [27, л. 269–

270]. По отчету Самарского городского приемного покоя за 1888 г. среди болезней, которыми страдали горожане Самары, были названы: оспа (23 чел.), скарлатина (50), дифтерит (80), круп (6), корь (36), коклюш (349), грипп (95), сыпной тиф (6), брюшной тиф (11), возвратный тиф (5), формы тифа, оставшиеся без распознавания (175), кровавый понос (233), холера (10), заушница (117), рожа (103), гнойное воспаление глаз (36), сифилис (666), венерические болезни (266), бугорчатка (13), крупозное воспаление легких (72), малярия (5156), зоб (2), чесотка (219), глисты (111), катар дыхательных органов (2130), воспаление плевры (39), воспаление легких и плевры (15), прочие болезни дыхательных органов (667), воспаление сердца и его оболочек (3), органические болезни сердца (132), органические болезни сосудов (38), желудочно-кишечный катар (313), болезни желудка (1359), болезни кишок (1210), болезни печени (36), болезни селезенки (12), грыжи (51), выпадение прямой кишки (13), воспаление мочевых органов (474), Брайтова болезнь (43), болезни мужских половых органов (172), болезни женских половых органов (1612), расстройство умственных способностей (40), эпилепсия (24), воспаление головного мозга (7), воспаление спинного мозга (7), апоплексия и паралич (47), невралгия и судорожные болезни (947), мышечный ревматизм (1020), хронические сыпи (1348), воспаление подкожной клетчатки (1652), глазные болезни (690), ушные болезни (583), переломы (20), костоеда (1664), сочленовый ревматизм (260), болезни больших суставов (26), вывихи (24), болезни беременные (489), послеродовые болезни (43), маразм и старческий Антонов огонь (43), цинга (14), рахит (48), золотуха (153), доброкачественная опухоль (168), злокачественная опухоль (16), худосочные язвы (271), ожоги (141), замерзание (30), жаба (1095), кровотечения (54), инородные тела (71) [26, с. 332–333]. Из мещанства набирались лекарские ученики к врачам [28, л.96]. В 1871 г. первый городской врач обращался в Думу с предложением отметить каким-либо образом, например вознаграждением, многолетний труд по оспопрививанию жителей города старшим лекарским учеником мещанином Павлом Васильевым [29, л. 24].

Как писал Ю.М. Лотман, «смерть выводит личность из пространства, отведенного для жизни: из области исторического и социального личность переходит в сферы вечного и неизменного» [30, с. 210]. Переживание смерти и отношение к ней связано со своеобразием той или иной культуры. Местом упокоения самарских мещан было городское кладбище. «Первое общее кладбище, - читаем в краеведческой картотеке Головкина, - было на теперешней Саратовской улице, в местности, где дом муллы, у стоявшей там Вознесенской церкви, что тогда было за городом. С расширением города кладбище опять отнесено за город, на место, где теперь Покровская церковь... В 1860 г. кладбище вновь перенесено... На плане 1852 г. показаны два кладбища: Покровское (Старое) и Всехсвятское (Новое)» [7, с. 182–183]. На этих кладбищах заканчивался жизненный путь самарских мещан. 6 августа 1850 г. Егор Степанов Глухов умер и был отпет 8 августа в Кафедральном соборе и похоронен на городском кладбище [31, л.50]. Самарская городская дума сообщала мещанскому старосте о смерти однообщественников: «Самарская мещанка Авдотья Провнитьева... волею Божьей померла и по обряду христианскому предана земле, о чем Городская дума дает вам знать» [32, л. 3–3 об.]. Мещане г. Самары, умирая на чужбине, символически возвращаются в родной город через сословное делопроизводство. Так, от настоятеля Римско-Католического Вроцловского прихода пришло сообщение о смерти самарской мещанки, из конторы Черниговской губернской земской больницы – о смерти мещанина и вместе с сообщением его паспорт: Федор Алексеев, православный, 59 лет, сапожник, состоящий в браке с Анисьей Кирилловой, неграмотный, особых примет – нет [32, л. 44, 52, 54]. Из Симбирской губернской земской больницы пришло известие о смерти 62-летнего самарского мещанина Ивана Сафронова, работавшего чернорабо-

чим [12, л. 128]. В мещанскую управу приходили сообщения о смерти мещан, содержащихся в богадельнях города [12, л. 131]. О смерти приходили сообщения и из Управления Самаро-Златоустовской железной дороги: умер самарский мещанин, помощник машиниста самарского элеватора [12, л. 136]. Вместе с актом Бакинской Михайловской городской больницы о смерти в ней самарского мещанина в управу были доставлены вещи покойного: одеяло, брюки, носки, фуражка [12, л. 156].

Рассмотрим далее вопрос одиночества в смерти и коллективности в смерти. Мещанин умирает в одиночестве, но и после смерти продолжает оставаться частью мещанского общества, так как его документы и вещи переправляются в мещанскую управу того общества, к которому он был приписан. Мещанин Иван Матвеев был найден мертвым 29 апреля 1889 г. близ села Воскресенского [33, л. 306], после чего его документы были переданы в мещанскую управу Самары. Другой мещанин, художник Федор Емельянов Буров, умер. А в мещанскую управу от судебного пристава пришло объявление, что 24 августа 1895 г. с 10 часов утра в Управлении первой полицейской части г. Самары будет проводиться публичная продажа его имущества: мебели, книг, одной картины с рамкой из Манчестера, обложенной желтым багетом... [33, л. 588]. Смерть настигала мещан Самары в чужих городах: в Бакинской больнице умерла бездетная самарская мещанка, от внутреннего кровотечения из-за перелома ребер умер мещанин в Иркутской военно-фельдшерской школе, умер мещанин на пароходе близ посада Дубовка Саратовской губернии [34, л. 152, 205, 216]. Многие умирали от чахотки [34, л. 267 об.]. Рекрут из Самарских мещан, прослужив в пехотном Дагестанском полку с 1868 по 1870 гг., «оказался одержимым неизлечимой опухолью на обоих коленях» и был уволен из армии «с полупараличным состоянием» [34, л. 273]. Дочь сдала свою мать в больницу для душевнобольных, где та и умерла [34, л. 310–313]. В Земской больнице Самары умирает мещанин от воспаления почек [34, л. 323].

Умирали мещане от самых разных причин: в 1882 г. в г. Самаре 3 человека покончили жизнь самоубийством, произошло одно детоубийство, 9 человек умерло от пьянства, 12 — от неизвестных причин, было задавлено и упали с высоты 4 человека, один замерз и 8 утонуло. В целом, за этот год по городу умерло от насилия и случайностей 52 человека [35, л. 3 об.—4]. В 1912 г. в г. Саратове от отравления морфием скончался 48-летний мещанин г. Самары Вацлав Людвиг Левандовский, оставивший после себя 32-летнюю жену и двоих детей [29, л. 278]. Среди жертв «случайной смерти» самарский губернатор отмечал, что больше всего утонувших. Далее следуют задавленные и убитые падением с высоты. Потом — замерзшие. И 20 человек за этот год умерло от пьянства [25, с. 75]. Мещане-солдаты умирали не на войне, а по чьей-то безалаберности. В 1863 г. из Оренбургского линейного батальона в Самарскую городскую полицию пришла депеша от командующего корпусом по поводу смерти рядового Ивана Павлова, умершего от ушиба, полученного при нечаянном падении в амбар, находящийся около склада строевого леса для постройки бани. Амбар принадлежал самарскому мещанину Акиму Светову, которого обязали «принять меры к отвращению опасности для караульных нижних чинов...» [36, л. 107–109]. Песня «Степь да степь кругом, путь далек лежит» о замерзающем в степи ямщике была написана (стихи) поэтом И.З. Суриковым в Самарском крае на Серноводском курорте [37, с. 174]. Зимы суровые, степи бескрайние. Мещане, проживавшие вдали от города, порой заканчивали свою жизнь так же трагично, как герой песни. Из донесения уездного исправника 30 декабря 1881 г. в селе Елшанке умирает земский фельдшер Петр Александров Петров, оставив после себя жену и пятеро детей. 19 декабря 1885 г. на дороге близ села найдена была замерзшей жена покойного, Юлия Самойлова [38, л. 111]. Маленькие дети: Мария, Вера, Клавдия, Анна и глухонемой Михаил — остались после смерти матери совершенно одни. Михаила определили в московское училище для

глухонемых детей. Так как Петров принадлежал к самарскому мещанству, исправник писал письмо в мещанскую управу, чтобы та озаботилась устройством детей.

Мещанин болеющий, стареющий, умирающий предстает в источниках делопроизводственного характера не как человек страдающий, а как личность сословная, подверженная и в горе учету и контролю. Тем не менее на фоне эмоционально скупой документации совершенно явственно проступает тема одиночества человека в городе. Смертность мещан в городе была в 1,7 раза выше, чем у купцов, но в деревне она у обеих групп выравнивалась, поскольку, как считает Б.Н. Миронов, «те и другие отрывались от дома, от привычных им условий жизни» [39, с. 194]. Таким образом, в отличие от купцов, мещанин и в городе не был дома. Это во многом было связано с упадком в среде мещанства отношений общинного типа. Мещанское общество выполняло жизненно важную функцию «дома» только в качестве последней инстанции, в которую направлялась информация об умершем. Все данные косвенно говорят только об одном общем для мещан факторе: о низком уровне жизни большинства представителей сословия. Не было денег лечить мещанское тело. Не было денег поддерживать мещанское тело в старости. Не на что было хоронить мещанское тело. Мещанскую душу уже не грела сословность, утраченная в эпоху «чрева».

Библиографический список

1. Гидденс Э. Социология. М., 2005.
2. Почепцов Г.П. История русской семиотики. М., 1998.
3. ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 967. Л. 1.
4. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. (XVIII – начало XX века). М., 2009.
5. Шмидт С. Общественное самосознание noblesse russe в XVI – первой трети XIX в. // Cahiers du monde russe et soviétique. 1993. XXXIV (1–2).
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
7. Классика самарского краеведения: антология. Вып. 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XX в. (краеведческая картотека). Самара, 2007.
8. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М., 2010.
9. ГУСО ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 573.
10. ГУСО ЦГАСО. Ф.1. Оп. 1. Д. 3653.
11. ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 235.
12. ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 305.
13. ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 242.
14. ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 89.
15. ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 856.
16. ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 678.
17. ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 346.
18. ГУСО ЦГАСО. Ф.170. Оп. 6. Д. 1532.
19. Журналы Самарской Городской Думы. 1892 г. Самара, 1892.
20. Приложение ко всеподданнейшему отчету Самарского губернатора за 1910 год. Самара, 1911.
21. ГУСО ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 920.
22. Приложение ко всеподданнейшему отчету Самарского губернатора за 1876 год. Самара, 1877.
23. ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 43.
24. Приложение ко всеподданнейшему отчету Самарского губернатора за 1876 год. Самара, 1877.
25. Приложение ко всеподданнейшему отчету Самарского губернатора за 1896 год. Самара, 1897.

26. Отчет Самарской городской Управы и подведомственных ей учреждений за 1888 год. Самара, 1890.
27. ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 33.
28. ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 24.
29. ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 85.
30. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1997.
31. ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д.1 55.
32. ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 8.
33. ГУСО ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 84.
34. ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 346.
35. ГУСО ЦГАСО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 30.
36. ГУСО ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 621.
37. Храмов Л.В. Введение в Самарское краеведение. Самара, 2003.
38. ГУСО ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 235.
39. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 2003.

Z.M. Kobozeva*

**CORPORAL DAILY ROUTINE OF SAMARA PETTY BOURGEOISIE:
COMING INTO CONFLICT WITH DISEASES AND DEATH
(THE SECOND HALF OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURY)**

The article focuses on the analysis of anthropology of petty bourgeoisie everyday life on the example of collision of estates with diseases and death. It is proved that despite the fact that generality of diseases and death was perceived as a trial, which every person has to undergo, there was estate specificity that was connected with social vulnerability of this society layer in the epoch when the urban petty bourgeoisie society was being destroyed and the general estate organism of the modernized city was being born.

Key words: petty bourgeoisie, body, disease, death, anthropology of estate daily routine.

---

* *Kobozeva Zoya Mihailovna* (zoya_kobozeva@mail.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.